

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ: КУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМся МИРЕ

В статье анализируется процесс глобализации и становления единой социальной реальности. Завоевание глобализацией новых социально-политических и экономических пространств оборачивается для многих национально-этнических государств утратой фундаментальных принципов бытия, культурных идеалов и норм, выполняющих функцию регулятивных механизмов социально-культурной жизни людей. Глобализация социальной реальности вызывает социальные и культурные противоречия, анализ которых показывает, что этот процесс осуществляется зачастую в интересах отдельных, технологически развитых стран. В связи с этим появляется необходимость, чтобы Россия, интегрируясь в мировое сообщество, сохранила свой международный имидж как центр сосредоточения духовной и интеллектуальной мощи, способный сплотить международное сообщество вокруг идеи построения цивилизованного и ненасильственного мира.

Ключевые слова: глобализация, интеграция, мировое сообщество, противоречия, смена культурных ценностей, национально-этнические культуры, кризис культуры этноса, глобальные проблемы цивилизации, диалог культур, ненасильственный мир.

Дискурс глобализации имеет свою историю. Социологические знания фиксируют по крайней мере три периода его развертывания в духовном пространстве. В 60-х гг. XX века в работах В. Мура, И. Валерстайна, Н. Лумана и других интенсивно разрабатывалась идея необходимости создания мировой (читай, глобальной) системы. Основанием для разработки этой идеи послужил постоянно развивающийся капитализм, который раздвигает национальные границы экономической сферы в поисках нового горизонта хозяйственной деятельности и условия расширения размера капитала. С середины 80-х гг. этого же века развивается концепция неизбежности возникновения глобальной социальной реальности в силу неминуемого сближения экономик разных стран и появления в социальном пространстве таких проблем, которые потребуют для своего преодоления усилий многих государств. Эти концептуальные положения нашли свое отражение в работах Р. Робертсона, У. Бека и других социологов. С начала 1990-х гг. дискурс глобализации на уровне философско-социологической мысли переживает свою третью волну: новая концепция, синтезируя предыдущие концептуальные идеи, формирует идеологию детерриториализации социального поля (М. Уотерс). Основная мысль, развиваемая в этой концепции, сводится к распространению представлений об исторической неизбежности сближения различных государств на основе совместного решения проблем планетарных масштабов. Специфической чертой третьего дискурса глобализации является то, что она (глобализация)

ведет к утрате пространственных характеристик социальной организации человечества.

Таким образом, со второй половины XX века, и особенно с начала XXI столетия, концепция глобализации становится доминирующим способом описания и объяснения социальной реальности и ее динамических изменений. Выдвинувшись к передовым рубежам теоретического познания социальной действительности, она требует от социологии пересмотра ее концептуальных представлений, выработки принципиально новых гносеологических способов описания, лингвистических средств выражения и методологических механизмов объяснения социальных процессов. Это касается прежде всего отечественной социологической мысли, так как в наше время именно Россия становится наиболее благоприятным всемирным экспериментальным полигоном реализации глобализационных тенденций. В силу слабой развитости социальной структуры и экономической и духовной слабости российского общества глобальные процессы внедряются достаточно активно в разных формах и вариантах. Например, десятилетиями апробированные в западных странах механизмы рыночной экономики у нас получают совершенно другую интерпретацию и реализуются в самых худших вариантах, в результате этого происходит обнищание масс, у многомиллионных граждан Российской Федерации нищенское материальное положение, заработная плата ниже прожиточного минимума. Умеренно-либеральные взгляды на культуру привели к возникновению культурных гибридов в социальном облики,

которые интенсивно вытесняют из духовного пространства и социальной жизни традиционные культурные ценности. При этом социальные институты оказываются не способными удержать их функционирование в разумном русле, отвечающем интересам духовного развития личности.

Изменения, происходящие на национально-региональном уровне в связи с тенденциями глобализации, имеют принципиальное значение для многих развивающихся национально-государственных образований с точки зрения стратегических последствий. Речь идет не столько о развитии этих этнонациональных образований, сколько об их поглощении и превращении более развитыми и мощными транснациональными структурами в свои производственно-экономические составляющие.

Тенденции подобного рода не могут не провоцировать обсуждение ряда проблем, касающихся менее развитых субъектов глобальной социальной системы, и в том числе такой базовой, как проблемы безопасности [2], связанной с защитой своих социальных интересов, национально-территориального суверенитета, культурного и духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм национально-общественной жизни, с сохранением мировоззренческо-ментальной самобытности.

Современная международная политическая обстановка не характеризуется стабильностью. В период глобализации и формирования нового мирового порядка вызывает недоумение и опасение использование ведущими западными странами в реальной политике международных отношений «морали двойных стандартов» и принципа «золотого миллиарда», их заявления и претензии на экономические ресурсы других стран, стремление сохранить свою экономическую стабильность за счет третьих (или вспомогательных) стран.

В этих условиях становится настоятельной потребностью выработка механизмов обеспечения национальной и международной безопасности как основы собственного самосохранения. Поэтому возникает принципиальная необходимость разработки и определения стратегической перспективы развития российского общества, внедрения в жизнь новых программ поддержания стабильности в обществе и развития социальной сферы, обеспечения его безопасности.

Обозначенная проблема не является тривиальной хотя бы потому, что российское об-

щество переживает нравственный кризис, который начался с 90-х годов минувшего столетия. Если не основная, то большая доля ответственности за этот кризис лежит на средствах массовой информации, которые выступают мощным инструментом и информационным каналом формирования в индивидуальном сознании образа социальной реальности, в общественном сознании – системы культурно-человеческих ценностей, морального и нравственно-этического облика людей. Сегодня мы являемся свидетелями того, что российское телевидение почти идентифицирует себя с телевидением США. Идя по пути американизации своей деятельности, телевидение со своих экранов демонстрирует культ насилия и жестокости, пропагандирует криминальный образ жизни.

Российская власть отвергла практику цензуры, сведя свою функцию к регистрации средств массовой информации; это привело к появлению безответственных чиновников, для которых культивирование зла, насилия, безответственности стало способом обогащения и увеличения прибыли. Последующие попытки вернуть телевидение в культурно-просветительское и нравственно-воспитательное русло не увенчались успехом, а государство не хочет взять в свои руки контролирующую функцию.

Глобальные процессы интеграции человечества вызывают противоречия, имеющие под собой реальные основания, которые требуют серьезного анализа и осмысления. Адекватное восприятие этих противоречий позволит нам определить безболезненные для нас пути их разрешения.

С одной стороны, в условиях глобализации социальной действительности очевидным становится то, что речь отнюдь не идет о ценностно нагруженном диалоге между разными типами культур, формами политического правления, национального уклада и образа жизни. А идет прямая экспансия, навязывание одними, более развитыми государствами своих норм, правил и принципов социального бытия, культурных образцов, образовательных стандартов другим, менее развитым национально-государственным системам под лозунгом создания единого социального пространства и движения всего человечества в прогрессивном направлении.

Здесь нам представляется уместным дать конкретную иллюстрацию. Если мы зададимся вопросом, а действительно ли заинтересована западноевропейская цивилизация в разви-

тии тех стран, которые вовлекаются в глобальную социальную систему, то заметим, что такая страна, как Венгрия, которая славилась в 70–80-х гг. прошедшего столетия своей сельскохозяйственной продукцией, экспортировала ее во многие страны, сегодня вынуждена импортировать то, что производят в развитых странах. Аграрная политика полностью свернута в этой стране, выполняя требования Евросоюза, в угоду развитию сельскохозяйственной сферы техногенных государств. Аналогичных примеров можно привести много.

В связи с этим возникает вопрос: как быть? нужна ли глобализация всему человечеству? существует ли единый для всех образец подражания? не являются ли терроризм, религиозный фундаментализм следствиями навязывания всем народам мира единого стандарта жизни в угоду технологически развитым странам или стране? В свое время ярчайший представитель французского Просвещения Гольбах говорил, что одни и те же правовые нормы не могут быть пригодны для всех народов, поскольку последние находятся на различных ступенях социальной жизни. Обустраивать жизнь различных народов, руководствуясь одними и теми же законами юриспруденции и принципами общественной жизни, равноценно попытке лечить все болезни, пользуясь одними и теми же лекарствами [3, 383 и далее].

Анализ практики культурного взаимодействия между странами позволяет выделить три варианта взаимообмена культурным опытом: 1) культурно-партнерский диалог (этот опыт реализуется во взаимоотношениях между дружественными странами, в частности между Россией и Казахстаном, Россией и Белоруссией); 2) культурно-дистанцирующие контакты (по сути, формальный, бессодержательный диалог, направленный на обособление, изоляцию на фоне восприятия внешних форм взаимодействия культур, именно такой характер носит, например, культурное взаимодействие между Россией и Украиной); 3) культурно-экспансивная связь (распространение и навязывание одним из субъектов диалога своих стандартов и культурно-символических кодов другому).

В современном процессе глобализации реализуется третий вариант. В частности, мы являемся свидетелями того, как в России сфера образования содержательно подгоняется под европейскую систему кодификации и медленно свертывается аграрная политика (более десятка тысяч

брошенных плодородных гектаров земли) по первоначальному (на консультативном уровне) требованию Евросоюза в надежде, что нас примут в европейское сообщество. Именно по третьему варианту происходило вовлечение Болгарии, Венгрии, Чехии, Словакии, Югославии, Польши и прибалтийских государств в Европейский социально-экономический союз.

В свое время отечественный мыслитель Н.Я. Данилевский в своей книге «Россия и Европа» (1869) писал: «Прогресс состоит не в том, чтобы идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях...» [4, 138]. Это утверждение актуально и в XXI веке. Единая история человечества состоит из многообразных историй разных народов, равноправных по природе и сущности. Ни один культурно-исторический тип (цивилизация) не может с точки зрения социальной онтологии претендовать на выработку окончательных форм человеческого общежития, если учитывать, что каждое культурное сообщество недостижимо в чем-то одним, что свойственно только ему: неповторима его историческая судьба, духовное начало, культурное основание и направляющая идея. Поэтому не может быть привилегированного культурно-исторического типа, обладающего правом одностороннего навязывания своих культурных смыслов другим.

Более того, убедительным является пример отношения США к другим национально-культурным государствам, использование силовых форм установления «нового» порядка в этих странах. Силовые методы принуждения к «цивилизационному» порядку приводят к уничтожению этнических и национальных культурных ценностей, устоявшегося уклада жизни, сложившихся духовных традиций. И все это происходит не в интересах самого народа, а наоборот, в угоду политическим амбициям и экономическим интересам агрессора (пример: Ирак, Югославия).

В аспекте культурной идентичности глобальная интеграция вызывает обратную тенденцию – тенденцию неприятия «чужого». Локальные, национальные культуры остро и болезненно воспринимают процесс конвергенции элементов инородной культуры. Так как здесь речь не идет об обмене опытом и взаимообогащении культур на основе аксиологически выраженного диалога этих культур, этот процесс носит односторонне направленный характер и

связан с расшатыванием национальной культуры изнутри, выхолащиванием из нее этнически ценностного содержания, а взамен приобретаемая порой только то, что деформирует национальное сознание и культуру.

В качестве примера проанализируем институт семьи. В Российской Федерации разные народы развивались в неодинаковых природных условиях и возможностях хозяйствования, испытывали разные исторические влияния, которые оставляли свой отпечаток на жизни этих народов, изменяясь и совершенствуясь в предметно-практической и производственной деятельности, достигли разного социально-экономического и культурного уровня, выработали различные, не идентичные друг другу этнокультурные традиции. Одним из важнейших компонентов этнокультурной традиции является обряд бракосочетания, возникновения семьи, которая выполняет различные социально-культурные функции: как социальный институт и первичная социальная группа она предстает в качестве связующего звена в системе «личность – общество», и выступает в функции физического и социально-культурного замещения поколений. Именно в институте семьи с 90-х гг. наблюдаются революционные трансформационные процессы, обусловленные вторым демографическим переходом. Суть этого перехода заключается в утрате традиционных ценностей института семьи и брака, в либерализации половых отношений, в возникновении новой модели брачного поведения, в распространении нерегистрируемых (гражданских или консенсуальных) «браков», формальных союзов, возникающих с целью «легитимации» перед общественным мнением свободных половых отношений, а появление детей в таких семьях рассматривается как незапланированное, случайное событие (в общественном сознании первые симптомы этого события характеризуются выражением «залетела»).

Семейно-брачный институт общества, таким образом, находится в кризисе: происходит утрата им статуса социального института, падение его ценностно-нравственного и культурного значения для человека и общества, ослабление связи семьи с обществом, подвергаются разрушению родственные узы. Семья, как и обычаи и традиция, является элементом, характеризующим национальный дух народа. Характеризуя национальный дух народов, немецкий мыслитель рубежа XVIII–XIX веков Иоганн Готфрид Гердер утверждал, что каждый народ и

каждая национальная культура формировались с их национальным духом. Язык и сказки конкретного народа выступают выражением индивидуальности и уникальности этого народа. Поэтому не существуют и не могут существовать универсальные, общие стандарты понимания и оценки культуры конкретного народа, и тем более одна нация не может служить идеалом подражания для другой, ибо специфика бытия того или иного народа и его культура обусловлены историческими и географическими факторами. При этом слепому этноцентризму противопоставляется культурная толерантность и узаконивает право существования культурно-национального разнообразия.

Имеет смысл искусственно придать проблемный характер вопросу о самобытности этнических и национальных культур. Если мы признаем индивидуальность культуры и духа того или иного народа, то не вступает ли это в противоречие с идеей общественного развития и исторического прогресса? Как соотносить индивидуальное и самобытное с единым историческим развитием и прогрессом? Человеческая история не является монолитом, а образуется из многообразия типов обществ и разнообразия культур. Каждая культура проживает свою историческую жизнь и проходит свой путь развития. Культуры и нации рождаются и умирают. Все культуры не могут иметь единой для всех исторической цели развития. Гибель великих исторических цивилизаций и империй тому пример.

Оказывая возрастающее влияние на мировоззрение людей, современные процессы имеют тенденцию растворять самобытные культуры развивающихся стран в новых экономических торгово-рыночных отношениях. Поэтому национальные культуры стремятся отстоять свою историческую самобытность и этническую независимость.

Процессы глобализации вызывают кризис культуры этноса, который связан с ломкой старых культурных обычаев, мировоззренческих стереотипов, духовных ценностей, с одновременным порождением новых «ценностей», нехарактерных для прежнего мировосприятия. Детерминантом ценностных изменений в этносоциальном измерении выступает проникающий в жизнь людей новый потребительский стандарт, характерный для западноевропейской цивилизации. Человек из созидателя превращается в потребителя с все более растущими запросами.

Происходят изменения и в институте взаимоотношений между людьми: чувство взаимопомощи, сострадания, сочувствия, дружбы теряют свои ценностные смыслы, которые были созданы веками, с учетом местности проживания и образа жизни данного этноса. Характерной чертой национально-этнических культур становится бинарность культурного позиционирования, вследствие чего происходит мутация исторически выработанного образа самой культуры и утрата ею синтезирующей основы, разрушение института традиционной семьи, привнесение в нее генетически чуждых ей элементов. Этот момент может провоцировать проблему на уровне личности, когда она не будет в состоянии идентифицировать себя с культурными ценностями этноса и по этой причине не сможет стать субъектом национально-культурного развития.

С позиции глобального общества национально-индивидуальное, самобытное имеет право на существование, но не существовать. «Общечеловеческая культура, – пишет в связи с этим Л.Н. Гумилев, – единая для всех народов, невозможна, поскольку все этносы имеют разный вмещающий состав ландшафт и различное прошлое, формирующее настоящее, как во времени, так и в пространстве. Культура каждого этноса своеобразна, и именно эта мозаичность человечества как вида придает ему пластичность, благодаря которой вид *Homo sapiens* выжил на планете Земля» [5, 39]. Действительно, современное научное и гуманитарное сообщество признает географическое положение одним из определяющих в формировании природы этнических общностей. Общественная организация и географическая местность проживания определяют национальный характер народа. «Первый принцип, из которого нам следует исходить, – писал выдающийся французский просветитель и гуманист XVIII века Ж.-Ж. Руссо, – это национальный характер: каждый народ имеет или должен иметь национальный характер; если бы не было его у народа, то пришлось бы начинать с того, чтобы ему такой характер дать» [6, 268]. А еще раньше его соотечественник социальный и политический мыслитель XVI века Жан Боден описал в своих трактатах, как географическое ландшафтное пространство влияет на тело и душу человека, живущего в нем, как формируется характер народов, живущих в том или ином географическом регионе, под влиянием климатических факторов. Боден указывает на физико-физиологические и

духовные особенности людей, живущих на севере и на юге: первые обладают силой внутренне-го тепла и вследствие этого сильным духом и крепким телом, а вторые – более вальяжны и менее активны. «Величайшие империи всегда распространялись на юг и почти никогда не расширялись с юга на север» [7, 142].

Именно национальный характер этнических народов, населяющих территорию России, явился решающим фактором победы Советского Союза над фашистской Германией во Второй мировой войне.

И в опубликованном Докладе ООН о человеческом развитии за 2004 год открыто провозглашается культурная свобода в современном мире. В нем отмечается, что культурная свобода является одним из важнейших факторов развития человека и общества, так как человек не может прожить полноценной жизнью без определения своей идентичности. Личность в своей сознательной жизни и рациональной деятельности так или иначе переживает чувство самобытности и тяготеет к ценностям, связанным с идентифицирующей культурой. При этом индивид имеет право как войти в группу, разделяющую общие ценности, так и признать свою идентичность с другими группами, признающими другие ценности [8, 1–2].

И действительно, культура, культурная свобода, принадлежность к культуре имеют большое значение для человека. Культура, рассматриваемая под углом зрения человека и его осознанной деятельности, предстает как мир самого человека. Как справедливо отмечает В.М. Межуев, через культуру даются и в культуре открываются человеку его история, его общественная и индивидуальная сущность и его человеческая жизнь [9].

Но было бы несправедливо не заметить другую сторону глобализации – позитивные изменения, происходившие в нашей жизни в последнее десятилетие. Перестали существовать искусственно установленные, но унижительные для человека границы (например, чтобы поехать по приглашению родственников или друзей, скажем, в социалистическую Германию, необходимо было на протяжении целого года и больше оформлять загранпаспорт); ушла в прошлое национальная экономика, неповоротливая, не учитывающая потребности людей, не предусматривающая свою модернизацию на основе использования современных достижений науки и техники; был отвергнут авторитарный

политический режим, превративший людей в винтики своей системы. Социальные силы российского общества ощущают неизбежность глобализационных изменений в пространстве российской действительности и идут на эти изменения с акцентом на «национальных особенностях». Мир глобализации строится на совершенно иных принципах, чем локальные общества, которые обуславливают характерные для этого мира противоречия и конфликты. Модернизирующееся общество требует адекватного теоретического осмысления этих процессов. Социология вырабатывает взгляд на глобализацию как на этап формационно-цивилизационного развития социально-политической системы, экономической и культурной сфер, приобретающий планетарный масштаб.

Основополагающий принцип, который является базисным для глобализации, – капиталистический рыночный принцип жизни. Фундаментальной чертой этого принципа является то, что он распространяется не только на сферу экономики, товары и услуги, но и на духовную жизнь человека и общества, ценности и знания. Все имеет право на существование, но фактическая их жизнеспособность определяется жесточайшей рыночной конкуренцией. Мы становимся свидетелями того, как ценностно-нормативные установки и культурно-мировоззренческие предпочтения, а также идеалы недавнего прошлого становятся «жертвами» этой конкуренции и уступают свое место другим «ценностным» системам, соответствующим новым реалиям. Расширяя экономическое пространство и обретая глобальный характер, капитализм ориентирует себя на завоевание и управление человеческим интеллектом в глобальном (мировом) масштабе. Эмпирико-теоретические данные социологии образования, отражающие процессы модернизации сферы образования в нашей стране в последнее время, – тому яркий пример.

Глобализация является следствием глобализации капитализма, форма хозяйствования которого признается мировым сообществом как самая эффективная. Его основным инструментом расширения поля рыночной системы хозяйствования в мировом масштабе выступают транснациональные финансы и информация.

Другими словами, идет планетарный процесс формирования единой, общечеловеческой, глобальной культуры рыночного бытия. В этих условиях смогут ли сохранить свою самобытность национально-культурные системы цен-

ностей? Скорее всего, видимо, нет, а если да, то только как этнонациональные заповедники, которые будут являться выражением определенной культурно-исторической эпохи, остановившейся в своем развитии, и представлять интерес для этнографического сознания.

Глобализация вынуждает многочисленных и самостоятельных субъектов международных отношений сделать исторический выбор либо в пользу развития и перехода к постиндустриальной эпохе, либо остаться у порога доиндустриального и индустриального общества.

Однако западная цивилизация в этом стремлении других государств перейти к постиндустриальному обществу нарушает принципы онтологической этики: утверждая свое социально-культурное бытие, она стремится к эксплуатации бытия другого или его переделу по образу и подобию своего. Западноевропейская цивилизация выстраивает также односторонние отношения и с окружающей природой. Представители западной интеллигенции (М. Хайдеггер, М. Фуко) неоднократно подчеркивали недопустимость одностороннего технического процесса, который приводит к отрыву человека от земли и лишению его своих первородных корней. Рациональность мышления и высокоразвитая техника, демонстрирующая мощь западноевропейской культурной цивилизации, подавляют естественно-природную способность человека переживать личный опыт бытия.

Бесспорно, что с социально-онтологической позиции жизнь человека не стоит на месте, а склонна к развитию. Происходящие изменения на уровне интеграционных процессов мирового сообщества кардинально меняют социальное и культурное бытие человека. Исторически развивающаяся и усложняющаяся жизнь человека обретает совершенно новое качество, происходит переход к сущности жизни другого, более глубокого порядка. И это благодаря тому, что осуществляется позитивный обмен между развитыми и развивающимися странами.

Интеграция мировых сообществ в единую глобальную социальную систему продиктована прежде всего глобальной проблемой – проблемой выживания. Это характерная черта человеческой цивилизации XXI века. Идет процесс иного осмысления перспектив бытия и культуры человечества. В связи с этим актуализируется онтологическая этика, которая выступает на уровне человеческих взаимоотношений в форме социальной этики, а по отношению к

природе – экологической и глобальной этики. Значимость онтологической этики определяется тем, что она затрагивает все вопросы бытия под углом зрения общечеловеческих ценностей. С позиции этих ценностей человечество ответственно за сохранение на земле всех форм бытия, а для этого требуется преодоление идеологического, классового, национального подхода к пониманию самого бытия.

То, что называется бытием природы, бытием общества, бытием человека, оказалось на грани выживания в том смысле, что с точки зрения онтологической этики и отношение к природе и обществу, и отношение к себе, а также и многие виды рациональной деятельности превратились в безнравственные, подрывающие основания существования.

Иными словами, происходит формирование глобального сознания, которое требует качественных изменений в общественном сознании малых и больших народов, различных по устройству стран. Новое сознание требует отказа от сложившихся стереотипов и социальных

мифов, которые не отвечают реальностям сегодняшнего времени и не отражают интересы и тенденции общественного развития.

Если подойти с этой стороны к современным интеграционным процессам человечества, то очевидно, что в современном многополярном мире диалог культур необходим, но этот диалог должен носить диалектический характер: опыт взаимобогащения является ценным для культур и необходимым импульсом дальнейшего развития. Но необходимо вести этот диалог таким образом, чтобы Россия и российские регионы укреплялись в своей культурно-нравственной основе. Россия должна позиционировать себя как центр сосредоточения духовной мощи, способной сплотить международное сообщество вокруг идей совместного решения глобальных цивилизационных проблем и цивилизованного диалога с целью построения ненасильственного мира, уважения международного права и признания общечеловеческих гуманистических ценностей.

26.03.2010 г.

Список использованной литературы:

1. Кузнецов В.Н. Культура безопасности. – М., 2001; Яновский Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. – М., 1999.
2. Гольбах П.А. Избранные произведения. В 2 тт. Т. 2. – М., 1963.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991.
4. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. – М., 1993.
5. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М., 1969. С. 268.
6. Боден Ж. Метод легкого изучения истории // Антология мировой философии. В 4 тт. Т. 2. – М., 1970. С. 142.
7. Доклад о человеческом развитии 2004. Культурная свобода в современном мире. – М., 2004.
8. Межуев В.М. Культура и история. – М., 1991.

Сведения об авторе: Хаджаров Магомед Хандулаевич, заведующий кафедрой философии науки и социологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук, доцент 460018, Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2552, тел.: (3532) 37 25 85, e-mail: mhadjarov@yandex.ru

Khadzharov M.H.

Globalization of social sphere: cultural problems of the transforming world

The article contains analysis of processes of globalization and formation of the single social reality. Globalization capture of new social and political and economic areas leads many national-ethnic countries into loss of fundamental principles of existence, culture ideals and rules, which play a role of regulatory mechanisms of social and culture life of people. Globalization of social reality leads into social and culture contradictions, analysis of which shows that this process is often carried out in the interest of certain technologically developed states. At this, there is a necessity for Russia, having integrated into world community, retained its international image as a center of spiritual and intellectual power able to solidate international community over the idea of building civilized and non-violent world.

Key words: globalization, inegration, world community, contradictions, change of cultural values, national and ethnic cultures, crisis of ethnos culture, global problems of civilization, dialogue of cultures, non-violent world.

Bibliography:

1. Kuznetsov VN Safety culture. - M., 2001, Yanovsky RG Global change and social security. - M., 1999.
2. Holbach PA Selected works. In 2 vols. T. 2. - M., 1963.
3. Danilevsky NY Russia and Europe. - M., 1991.
4. Gumilev LN Rhythms of Eurasia. - M., 1993.
5. Rousseau JJ Treatises. - M., 1969. S. 268.
6. Boden G. Method Light studying history / anthology of world philosophy. In 4 vols. T. 2. - M., 1970. P. 142.
7. Human Development Report 2004. Cultural liberty in today's world. - M., 2004.
8. Mezhujev VM Culture and History. - M., 1991.